

УДК 343.98

DOI 10.25688/2076-9113.2021.44.4.10

С. Н. Чурилов

О некоторых авторских позициях С. А. Шейфера в теории доказательственного права

В статье рассматриваются отдельные спорные положения в теории доказательственного права, отстаиваемые известным процессуалистом С. А. Шейфером. Подвергается критике утверждение С. А. Шейфера о том, что представление доказательств является элементом доказывания. Приводятся доводы о несуществовании индивидуального предмета доказывания при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: факты события; понятие доказательств; виды доказательств; источники доказательств; элементы доказывания; виды предмета доказывания.

Идеология современного уголовного судопроизводства, развиваемая правоведами в русле концепции судебной правовой реформы 1991 года, в основном выдержала проверку временем на эффективность. Однако считать ее безупречной нет достаточных оснований, ибо с момента принятия в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в него внесено множество законодательных изменений и дополнений, основу которых составляют научные положения, сформулированные коллективным разумом ученых-процессуалистов с учетом многовекового опыта совершенствования науки уголовного процесса и правоприменительной практики. Этот закономерный процесс развития теории уголовного судопроизводства и совершенствования на ее основе уголовно-процессуального закона продолжается до сих пор, и вряд ли в ближайшее время в нем будет поставлена точка. В частности, до последнего времени ведется оживленная дискуссия на страницах процессуальной литературы по целому ряду положений центральной части уголовно-процессуальной науки — теории доказательств и доказывания. Высказываются противоречивые мнения по поводу понятия доказательств, сущности и цели доказывания, способов и субъектов собирания доказательств и использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности. Не прекращается дискуссия по проблемам истины в уголовном судопроизводстве и процессуальной роли суда в судебном разбирательстве уголовных дел.

Существенный вклад в разрешение этих вопросов внесли работы выдающегося ученого-процессуалиста С. А. Шейфера. Итоги многолетнего труда подведены им во втором издании монографии, вышедшей в свет в 2020 году [10].

Отдавая дань уважения этому ученому, мы выскажем наше мнение по ряду выдвинутых им положений, которые полагаем достаточно спорными. Так, он считает шагом вперед в развитии теории доказательств и доказательственного права сформулированное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ понятие доказательств, под которыми понимаются не *фактические данные*, а *любые сведения* [10, с. 49–88]. Такого же ошибочного мнения по этому вопросу придерживается В. И. Качалов, который считает, что термин «любые сведения» имеет более широкое толкование по сравнению с термином «фактические данные» [3, с. 235], хотя и признает, что сущность любого доказательства определяется сведениями о фактах [4, с. 300]. С такой трактовкой этого ключевого понятия в теории и праве нельзя согласиться, ибо она не согласуется с положениями теории отражения и гносеологии. При решении этого вопроса следует исходить из аксиоматического положения о том, что всякое событие, требующее судебного исследования, закономерно связано с изменениями в материальной обстановке и сознании людей в виде материальных и идеальных следов (фактов), сведения о которых в принципе объективно отражают содержание этого события.

Применительно к процессу доказывания, выявленная и зафиксированная в соответствии с УПК РФ информация об обстоятельствах исследуемого события и его участниках есть сведения о фактах. Термин «любые сведения» не с полной ясностью подчеркивает информационное содержание доказательства, и по этой причине использование этого термина в теории и практике порождает неоднозначное понимание его материальной и правовой природы.

С. А. Шейфер, отстаивая новаторство авторов, понимающих под доказательствами *любые сведения*, противоречит самому себе, когда правильно отмечает, что доказательственная информация представляет собой результат «вторичного отражения» в сознании субъекта доказывания и материалов уголовного дела [10, с. 49–88]. Это бесспорное положение дает основание утверждать о том, что разделяемое указанным автором понятие доказательств, содержащееся в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, не обрело более четкого определения.

Важно отметить правильное, на наш взгляд, умозаключение С. А. Шейфера, согласно которому доказательства, то есть *любые сведения* (в нашем понимании — сведения о фактах) имеют, кроме содержания, и процессуальную форму, к которой он относит указанные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания, заключение эксперта, протоколы следственных действий и пр. Но нельзя согласиться с его мнением о том, что любые сведения — это сведения не о фактах, а об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Такую же ошибку допускает и Р. В. Костенко [6, с. 20]. В нашем представлении, сведения о фактах — это *средство* установления уголовно-релевантных обстоятельств и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно в такой трактовке понимались доказательства в теории и праве именитыми учеными-процессуалистами прошлых лет [2, с. 68; 8, с. 376].

Другая крайность при определении этого понятия состоит в том, что некоторые ученые считают доказательство не достоверное знание о факте объективной

действительности, а сам факт как источник информации о событии [1, с. 31]. На самом деле, с точки зрения гносеологии доказательственный факт есть познанный субъектом доказывания факт объективной действительности [5, с. 25].

С. А. Шейфер не усматривает существенных противоречий между ч. 1 и ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В ч. 2 этой статьи закона содержится перечень видов доказательств. К их числу законодатель отнес показания, заключения эксперта, специалиста, протоколы следственных действий и некоторые другие документы. Представляется, что заключения эксперта, равно как и показания, не могут рассматриваться как виды доказательств либо их источники. Это процессуальная форма, в которой представляются доказательства. А непосредственно видами доказательств выступают фактические данные, содержащиеся в этих источниках.

Источниками указанных видов доказательств являются результаты первичного отражения события и связанных с ним обстоятельств. Поэтому следовало бы в указанной норме уголовно-процессуального закона отнести к видам доказательств фактические данные, содержащиеся в показаниях, протоколах следственных действий, заключении эксперта и т. п.

По мнению С. А. Шейфера, дело обстоит иначе: «источник» доказательства — это сформированное в познавательном процессе доказательство. Однако в гносеологическом плане, как отмечено выше, это утверждение неверно. На самом деле, доказательством являются сведения об их источнике, которые имеют отношение к уголовному делу и являются допустимыми и достоверными.

Резюмируя свои представления по поводу терминов «источник доказательства», «вид доказательства» и «форма доказательства», С. А. Шейфер приходит к парадоксальному, с нашей точки зрения, выводу: явления, обозначенные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует именовать не источниками (с этим утверждением мы полностью согласны), а видами доказательств, ибо термин «вид» адекватен термину «форма» [10, с. 49–88]. Как отчетливо видно, в его представлении форма доказательства — это вид доказательства, что свидетельствует о полном выхолащивании из понятия доказательства его содержания.

Имеют значительный интерес для теории доказательственного права взгляды С. А. Шейфера на представление доказательств как элемент доказывания по уголовным делам. По мнению этого ученого, представление доказательств является одним из процессуальных действий по собиранию доказательств. Но верно ли это утверждение с точки зрения теории доказывания? Представляется, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ по следующей причине. Представление доказательств обвиняемым и другими лицами, указанными в законе, не может быть процессуальным действием по собиранию доказательств, ибо они не вправе производить какое-либо процессуальное действие. Собирание доказательств осуществляет должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Одним из способов собирания доказательств является, наряду с производством следственных действий и истребования доказательств, принятие (получение) доказательств. Если доказательство представляется допрашиваемым лицом, то этот факт фиксируется в протоколе допроса. Представление

доказательства вне рамок допроса фиксируется, в отличие от мнения С. А. Шейфера, в протоколе *принятия* доказательства, но не в протоколе представления доказательства. Представление доказательств не может иметь процессуального статуса самостоятельного элемента доказывания, несмотря на то что в ч. 2 ст. 86 УПК РФ говорится о праве обвиняемого и некоторых других участников процесса *собирать* и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к материалам уголовного дела. Их влияние на процесс доказывания по уголовному делу выражается только в представлении доказательств. То же самое происходит и в ходе судебного разбирательства, когда стороны, а также иные участники уголовного процесса представляют суду доказательства. При этом факт принятия доказательств, представляемых суду, фиксируется в протоколе судебного заседания. Таким образом, представление доказательств в суде также не может рассматриваться в качестве элемента доказывания наравне с элементами собирания, проверки и оценки доказательств.

Говоря о процессуальной форме представления доказательств в виде письменных документов и предметов, С. А. Шейфер полагает, что таковой является *протокол представления доказательств*. Однако это утверждение автора требует соответствующего комментария. С нашей точки зрения, несмотря на то что доказательства представляются по инициативе заинтересованного участника процесса, следует учитывать, что уголовное дело находится в производстве не у лица, представляющего доказательство, а у следователя, который принимает представляемое доказательство. Поэтому протокол логично именовать *протоколом принятия доказательств*. Аналогичное суждение по этому вопросу было высказано А. М. Лариным много лет назад [7, с. 63].

В этой связи С. А. Шейфер полагает, что наряду с составлением *протокола представления доказательств* следователь выносит постановление об относимости представляемого доказательства к данному уголовному делу, а суд — постановление (определение) об удовлетворении ходатайства лица о представлении доказательства. На наш взгляд, при принятии доказательства следователем вне рамок допроса лица, представляющего доказательство, достаточно составления протокола принятия доказательства, а в случае представления доказательства суду, суд выносит постановление (определение) о принятии доказательства либо об отказе в его принятии, о чем указывается в протоколе судебного заседания. При выявлении в ходе осмотра принятого документа или предмета признаков вещественного доказательства выносится следователем постановление, а судом — постановление (определение) о приобщении доказательства в качестве вещественного доказательства.

К сказанному следует добавить, что процессуальная форма этого процессуального действия должна включать: фиксацию следователем в протоколе принятия доказательства, а судом — в постановлении (определении) о принятии доказательства ходатайства лица о приобщении предмета или документа к уголовному делу; обстоятельства, для установления которых представляется объект; общих и индивидуальных свойств представляемого объекта.

С вопросом о понятиях доказательств и доказывания находится в тесной связи дискуссионный вопрос о предмете доказывания. С. А. Шейфер, подводя итоги ведущейся дискуссии по данному вопросу, справедливо обращает внимание на несовершенство описания предмета доказывания, имеющегося в ст. 73 УПК РФ, в которой указаны взаимоисключающие обстоятельства. С одной стороны, предписывается установить, к примеру, виновность обвиняемого в совершении преступления, а с другой — обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния. Данная ситуация указывает на эклектичность понятия предмета доказывания. Мы считаем продуктивным мнение этого ученого о том, что предмет доказывания должен быть описан в законе с обозначением всех возможных правовых исходов доказывания [10, с. 89–103].

Кроме этого, С. А. Шейфер пишет о правомерности существования трех различных уровней предмета доказывания. К первому уровню он относит общую формулу предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), применимую ко всем видам преступлений, но свободную от описания признаков конкретных составов преступлений. Второй уровень предмета доказывания определяется с учетом юридических признаков конкретного уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Эти два уровня предмета доказывания не вызывают у нас каких-либо возражений. Сходных взглядов по этому вопросу придерживаются многие ученые-процессуалисты. Что же касается правомерности определения третьего уровня предмета доказывания, то на этот счет у нас иное мнение. С. А. Шейфер, обосновывая существование третьего уровня предмета доказывания, пишет о том, что он приобретает индивидуальность за счет неповторимости обстоятельств совершения отдельного преступления. Кроме этого, предмет доказывания этого уровня, утверждает автор, охватывает не только уголовно-релевантные обстоятельства, но и доказательственные факты [10, с. 89–103]. С таким утверждением согласиться нельзя. По нашему убеждению, третьего уровня предмета доказывания не существует, и он существовать не может. Существует общий предмет доказывания, указанный в ст. 73 УПК РФ, и видовой предмет доказывания.

Видовой предмет доказывания по структуре и уголовно-правовому содержанию является во всех случаях одинаковым по уголовным делам о преступлениях одного и того же вида. Что же касается доказательственных фактов, то они как средства доказывания уголовно-релевантных обстоятельств не входят в видовой и тем более общий предмет доказывания. Заранее определить круг доказательств в ходе судебного исследования преступления как единичного явления невозможно в силу различных объективных и субъективных причин, они, в отличие от обстоятельств уголовно-правового значения, не образуют цели доказывания.

Для мнения о том, что предмет доказывания третьего уровня приобретает индивидуальность за счет разнообразия доказательств, собираемых по конкретному уголовному делу, нет достаточных оснований. Можно говорить только об индивидуальности доказательственной базы по каждому уголовному делу, но не об индивидуальности предмета доказывания.

Реанимация умирающей идеи давно минувших дней о том, что сами доказательства нуждаются в доказывании и по этой причине есть основания утверждать о правомерности существования индивидуального предмета доказывания, вряд ли достигнет желаемого результата. По нашему убеждению, однажды собранные по уголовному делу доказательства не нуждаются в повторном собирании как самостоятельном элементе доказывания, они нуждаются в их проверке и оценке. Если принять на вооружение противоположную точку зрения, то следует признать, что имеющиеся в уголовном деле доказательства вновь подлежат собиранию. Абсурдность такой позиции налицо [9, с. 103].

Таким образом, можно сделать вывод, что доказательствами по уголовному делу являются фактические данные о следах исследуемого события. Эти данные должны быть получены в порядке, который предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством. На основании этих данных субъект доказывания устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются фактические данные, которые содержатся в протоколах следственных и судебных действий, показаниях, заключениях эксперта, специалиста, иных документах, принимаются также и вещественные доказательства.

Представление доказательств не является элементом доказывания. Получение доказательств субъектом доказывания — один из способов собирания доказательств, процессуальной формой которого является на стадии предварительного расследования протокол получения доказательства, а в суде — постановление (определение) о получении доказательства.

Индивидуального предмета доказывания, в отличие от общего и видового предмета доказывания, не существует. Доказательства по уголовному делу не являются составной частью предмета доказывания, они есть средства установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Литература

1. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 52 с.
2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Городец, 1997. 448 с.
3. Качалов В. И. Общие положения теории доказательств в уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2014. С. 234–276.
4. Качалов В. И. Доказательство в уголовном процессе // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2016. С. 288–337.
5. Кедров Б. М. Типы противоречий в развитии естествознания. М.: Наука, 1965. 352 с.
6. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: Концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 35 с.

7. Ларин А. М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. Ташкент: Изд-во НИиРИО, 1982. С. 62–68.
8. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 683 с.
9. Чурилов С. Н. Предмет доказывания по уголовным делам. М.: Изд-во РГСУ, 2017. 148 с.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

Literatura

1. Agutin A. V. Mirovozzrencheskie idei v ugovolno-processual`nom dokazy`vanii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2006. 52 s.
2. Viktoriskij S. I. Russkij ugovolny`j process. M.: Gorodecz, 1997. 448 s.
3. Kachalov V. I. Obshhie polozheniya teorii dokazatel`stv v ugovolnom processe // Ugovolno-processual`noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury` / pod obshh. red. V. M. Lebedeva. M.: Yurajt, 2014. S. 234–276.
4. Kachalov V. I. Dokazatel`stvo v ugovolnom processe // Kommentarij k Ugovolno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod nauch. red. G. I. Zagorskogo. M.: Prospekt, 2016. S. 288–337.
5. Kedrov B. M. Tipy` protivorechij v razvitii estestvoznaniya. M.: Nauka, 1965. 352 s.
6. Kostenko R. V. Dokazatel`stva v ugovolnom processe: Konceptual`ny`e podxody` i perspektivy` pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2006. 35 s.
7. Larin A. M. Istrebovanie i predstavlenie predmetov i dokumentov v stadii rassledovaniya // Aktual`ny`e problemy` sovershenstvovaniya proizvodstva sledstvenny`x dejstvij. Tashkent: Izd-vo NIiRIO, 1982. S. 62–68.
8. Sluchevskij V. Uchebnik russkogo ugovolnogo processa. Sudostrojstvo – sudoproizvodstvo. 4-e izd., dop. i ispr. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. 683 s.
9. Churilov S. N. Predmet dokazy`vaniya po ugovolny`m delam. M.: Izd-vo RGSU, 2017. 148 s.
10. Shejfer S. A. Dokazatel`stva i dokazy`vanie po ugovolny`m delam: problemy` teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 240 s.

S. N. Churilov

About Some of the Author's Positions of S. A. Shafer in the Theory of Evidence

The article examines certain controversial provisions in the theory of evidence, defended by the famous proceduralist S.A. Shafer. The assertion of S.A. Shafer that the presentation of evidence is an element of proof is criticized. Arguments are made about the non-existence of an individual subject of proof in criminal proceedings.

Keywords: facts of an event; the concept of evidence; types of evidence; sources of evidence; elements of evidence; types of subject of evidence.